

Д. В. Бубрих. Несколько слов о потоке речи. К вопросу о происхождении речи

Источник: Бюллетень ЛОИКФУН. Вып. 5. Ленинград, 1930. С. 4–17.

Подготовка к публикации Г. В. Гордиенко
(грант РНФ № 16-18-02042)

**Несколько слов о потоке речи.
К вопросу о происхождении речи**

Глава I.

1.

Когда ставится вопрос о происхождении того или иного явления, надо прежде всего отдать себе отчет в природе этого явления. Это относится и к вопросу о происхождении речи.

Чем отличается звуковая речь от звуковой сигнализации?

Существеннейшее отличие по содержанию сводится к следующему. Звуковая речь по содержанию может быть не свя-4//5/занной ни с настоящим, ни с ближайшим по месту — говорить можно и о вчерашнем, и о завтрашнем дне, и о далекой долине на юге, и о далекой долине на севере. Иными словами, временно-пространственные определения содержания звуковой речи могут расходиться с временно-пространственными определениями акта звуковой речи. Эту особенность звуковой речи можно назвать повествовательностью. У звуковой сигнализации этой особенности нет. Звуковая сигнализация по содержанию теснейшим образом связана и с настоящим (конечно, не в строжайшем смысле этого слова), и с ближайшим по месту. Иными словами, временно-пространственные определения содержания звуковой сигнализации стремятся совпасть с временно-пространственными определениями акта звуковой сигнализации. Сигнал опасности указывает на опасность данного момента, близкую — прямо грозящую шкуре. Сигнал находки указывает на находку данного момента, близкую — прямо дающуюся в зубы, лапы, руки. Если бы кому-либо из зверей или людей вздумалось при помощи звукового сигнала сообщить об опасности или о находке вчерашнего дня или отдаленной долины, сородичи были бы введены в заблуждение, оценили бы сигнал как ложный и, пожалуй, дали бы шкуре неосторожного больно почувствовать эту оценку. Существеннейшее отличие по оформлению сводится к следующему. В звуковой речи противостоят друг другу, с одной стороны, слово и предложение, а с другой стороны, фонема и слово. Эту особенность звуковой речи называют грамматической и фонетической членораздельностью. У звуковой сигнализации этой особенности нет.

Звуковая сигнализация по содержанию теснейшим образом связана и с настоящим (конечно, не в строгойшем смысле этого слова), и с ближайшим по месту. Иными словами, временно-пространственные определения содержания звуковой сигнализации стремятся совпасть с временно-пространственными определениями акта звуковой сигнализации. Сигнал опасности указывает на опасность данного, близкую — прямо грозящую шкуре. Сигнал находки указывает на находку данного момента, близкую — прямо дающуюся в зубы, лапы, руки. Если бы кому-либо из зверей или людей вздумалось при помощи звукового сигнала сообщить об опасности или о находке вчерашнего дня или отдаленной долины, сородичи были бы введены в заблуждение, оценили бы сигнал как ложный и, пожалуй, дали бы шкуре неосторожного больно почувствовать эту оценку.

Существеннейшее отличие по оформлению сводится к следующему. В звуковой речи противостоят друг другу, с одной стороны, слово и предложение, а с другой стороны, фонема и слово. Эту особенность звуковой речи называют грамматической и фонетической членораздельностью. У звуковой сигнализации этой особенности нет. В ней нет различия слова и предложения: каждое «слово» есть в то же время «предложение», каждое «предложение» есть в то же время «слово», следовательно, по существу нет ни слова, ни предложения. В ней нет и различия фонемы и слова: каждая «фонема» есть в то же время «слово», каждое «слово» есть в то же время «фонема», следовательно, по существу нет ни фонемы, ни слова. Звуковая сигнализация — грамматически и фонетически бесформенное явление.

Объяснить происхождение звуковой речи — значит объяснить прежде всего происхождение свойственных ей повествовательности, с одной стороны, и грамматической и фонетической членораздельности, с другой стороны. /5//6/

Принято-ли подходить к вопросу именно так? Увы, не принято. Причина — общепринятая подмена объяснения происхождения звуковой речи, существующей в потоке, объяснением происхождения слов, вырванных из потока, подмена, коренящаяся в навыках формально-логического мышления¹.

Настоящая статья впервые ставит вопрос о происхождении звуковой речи, существующей в потоке — не о происхождении слов, вырванных из потока. Это определяет и метод работы: проводится наблюдение над теми силами, что действуют в потоке звуковой речи и в потоке повествовательной деятельности вообще, как на заре времен, так и ныне,

---

¹ Поток речи характеризуется не столько количественным признаком, сколько качественным: ему свойственна коммуникативная функция, которая слову как таковому несвойственна.

— не этимологические (корнесловные) операции над телом вырванных из потока звуковой речи и тем самым умерщвленных слов.

Бесспорно: работа, впервые ставящая вопрос, не может на этот вопрос исчерпывающим образом ответить. В связи с этим настоящей статье, конечно, суждено встретить энергичные возражения.

2.

Для тех, кто объяснение происхождения звуковой речи в ее потоке подменяет объяснением происхождения слов, вопроса о происхождении повествовательности в звуковой речи не существует: ведь слово само по себе, вне звуковой речи в ее потоке, со стороны содержания никаких вообще временно-пространственных определений не имеет, если не считать прямых указаний в значении слов, вроде *сегодня, вчера, здесь, там*. Вопрос о происхождении повествовательности в звуковой речи возникает только тогда, когда объяснение происхождения звуковой речи в ее потоке ведется без всяких подмен.

Как же возникла повествовательность в звуковой речи?

Выставляю следующую гипотезу.

В определенную эпоху трудовые процессы развиваются настолько, что создается настоятельная необходимость согласования различных их моментов, разделенных значительным промежутком времени или значительным расстоянием. Прими-/6//7/тивная, и животному известная, сигнализация, кинетическая и звуковая, уже не может обслужить назревшей социальной потребности. И вот на сцену выступает изображение, воспроизведение того, что отделено значительным промежутком времени. Это первая повествовательная деятельность. Корни ее — в игре, которая ведь тоже есть изображение, воспроизведение. Но это уже не игра. Разница в целеустремленности и, соответственно, в социальной функции.

Специфическая целеустремленность первой повествовательной деятельности (ведь перед нами не просто изображение, воспроизведение, а изображение, воспроизведение реального явления, о котором зритель-слушатель должен знать) неизбежно создает в ней ряд специфических особенностей, которые резко отличают ее от игры. Прежде всего: повествующий прилагает усилия к тому, чтобы приковать внимание зрителя-слушателя, что в игре необязательно: взор повествующего устремлен в лицо зрителя-слушателя, вызывая на зрительное внимание, голос повествующего проникается особыми нотами обращения (собственно, призыва), вызывающего на слуховое внимание. Далее: повествующий прилагает усилия к тому, чтобы внимание зрителя-слушателя было использовано наиболее полным образом, что в игре необязательно: движения и звуки соотнобразуются с расстоянием от зрителя-слушателя, а движения и с освещением. Наконец, повествующий прилагает

усилия к тому, чтобы внимание зрителя-слушателя было использовано наиболее экономичным образом. Последнее неизбежно ведет к несоблюдению реалистических темпов повествования («скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается») и к различным другим уклонениям от реалистичности.

На первых порах повествовательная работа неизбежно является комплексной, кинетически-звуковой. На первом плане — движение, потому что, как известно, движение обладает несравненно большей способностью изображать, воспроизводить, чем голос. На втором плане — работа голоса. Роль голоса сводится частью к тому, что он является весьма возбуждающим и эмоционально весьма выразительным «аккомпанементом» к движениям, не говоря уже о том, что он является чрезвычайно важным средством привлечения и удержания внимания, материальной основой упоминавшихся выше нот обращения /7//8/ (собственно, призыва) — но частью, конечно, он является и участником собственно-повествования. С течением времени роль голоса несколько изменяется. Поскольку нередко приходится повествовать в обстановке затрудненности движений или в обстановке затрудненности восприятия движений со стороны зрителя-слушателя, работа голоса начинает развиваться по линии субституирования первоначального кинетически-звукового комплекса.

На этом остановлюсь. Для обсуждения хода субституирования кинетически-звукового комплекса работой голоса рамки настоящей статьи слишком тесны.

Что же можно привести в обоснование сейчас выдвинутой гипотезы?

Та обстановка, которая некогда вызвала к жизни повествовательную деятельность, может вплоть до наших дней возобновляться, и повествовательная деятельность может возникать на старых началах вновь и вновь. Глухонемые для наблюдения не годятся — в их повествовательной деятельности не фигурирует работа голоса, а если и фигурирует, то не для них, а для нас. Важны наблюдения над людьми, попадающими в среду людей, которым надо что-нибудь рассказать, но с которыми в то же время нет общего языка. Они, не задумываясь, прибегают к кинетическо-звуковому повествовательному комплексу. Конечно, круг вещей, о которых рассказывается в наши дни, иной, чем у человека палеолита, и представляются эти вещи иначе. Конечно, в наши дни никто не будет идти по тому бесконечно-долгому пути от кинетически-звукового повествовательного комплекса к звуковому повествованию, по которому шел человек палеолита, — в наши дни через год–два просто научатся языку той среды, в которой оказались. Но важность наблюдения над случаями, вроде указанных, от этого не уменьшается.

3.

Для тех, кто объяснение происхождения звуковой речи подменяет объяснением происхождения слов, вопрос о происхождении грамматической членораздельности звуковой речи, если и существует, то находится вне возможности разрешения: ведь слово само по себе, вне речи в ее потоке, никакого отношения к грамматической членораздельности не имеет. /8//9/

Как же возникла грамматическая членораздельность в звуковой речи?

Выставляю следующую гипотезу.

Первоначальный звуковой повествовательный поток можно представлять себе как простое следование звуковых повествовательных актов, связанных между собою только общей нитью повествования — как, скажем, отдельные бусинки в бусах связаны только общей льняной нитью. Но такое состояние не может долго удерживаться. В звуковом повествовательном потоке неизбежно должно возникнуть явление, наблюдающееся во всякой деятельности — последовательность арсиса и тезиса (надо сначала поднять ногу и затем топнуть, сначала поднять руку и затем ударить, сначала отвести руку назад и затем бросить, сначала отвести корпус назад и затем толкнуть, сначала отвести корпус вперед и затем дернуть, сначала присесть и затем прыгнуть и т. д.). Отдельные повествовательные акты в звуковом повествовательном потоке, поскольку это согласуется с ходом повествования, становятся одно по отношению к другому в отношении арсиса и тезиса, а это в данном случае не что иное, как отношение подлежащего и сказуемого. Группа повествовательных актов, связанных между собой как арсис и тезис, как подлежащее и сказуемое, составляют в звуковом повествовательном потоке некоторое единство... Чтобы не было недоразумений, надо указать, что при одном подлежащем с самого начала возможно несколько сказуемых, а при одном сказуемом — несколько подлежащих. Надо указать и то, что с самого начала возможно одно сказуемое без подлежащего.

Так возникло первое предложение и в нем первые слова. На этом пока остановлюсь.

Немаловажно подчеркнуть, что в противостоянии и связи подлежащего и сказуемого по существу нет ничего «логического». Дело совсем не в строении «логической» мысли, а в строении человеческой деятельности.

Что можно привести в обоснование выдвинутой сейчас гипотезы?

Ее можно обосновать на фактах звуковой речи наших дней. Во всех языках земного шара известно подлежащее и сказуемое, и везде их противостояние есть противостояние /9//10/ арсиса и тезиса. Эта такая убедительная живая древность, что ничего больше и желать не приходится.

4.

Для тех, кто объяснение происхождения звуковой речи подменяет объяснением происхождения слов, вопрос о происхождении фонетической членораздельности звуковой речи, естественно, получает ответ в плоскости процессов, действующих внутри слова. Ответ строится следующим образом. Слово, некогда представлявшее фонетически бесформенный комок, впоследствии выделило в себе ряд друг другу противостоящих и друг за другом следующих моментов. С течением времени создавшиеся в силу этого отношения были оформлены, как подчинение слов системе фонем. Иногда в подтверждение приводят междометия, вроде русских *ах*, *бац*, *мяу*, видя в них повторение того же процесса, что действовал при рождении звуковой речи. Такой ответ не удовлетворяет ни в какой мере. Почему именно слова, фонетически-бесформенные комки, выделили в себе ряд друг другу противостоящих, друг за другом следующих моментов? Как это произошло? Не для чего — а почему и как? Это остается тайной. Пример с междометиями при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно негодным. Междометия не что иное, как проекция фонетически бесформенных звуковых эффектов в плоскость уже готовой системы фонем — и проекция весьма часто мнимая, как о том свидетельствует поразительное различие междометий в разных языках.

Внутри слова = фонетически бесформенного комка понятно лишь одно явление — выделение гласного и согласного моментов. В звуковой повествовательной деятельности, которая является субституцией первоначальной комплексной кинетически-звуковой повествовательной деятельности, голос выполняет и функцию кинетического момента этой комплексной повествовательной деятельности, и функцию звукового ее момента, т. е. является и основой повествования, и «аккомпанементом» к повествованию. Двойная функция голоса в звуковой повествовательной деятельности отражается и в строении слова. Какую бы артикуляцию ни содержало слово, но работа на громкость, высоту, длительность, без которых не возможен «аккомпанемент», требует в слове момента, так ска- /10//11/зать, свободного звучания. А это не что иное, как гласный, противостоящий согласному.

Но это еще не является объяснением фонетической членораздельности в звуковой речи. Перед нами еще нет фонем. Гласный элемент пока еще во всех словах один и тот же — а для фонемы всегда характерно обладание тем или иным качеством, противостоящим другим качествам. Согласный элемент пока еще в каждом слове особый — а для фонемы всегда характерно, что она встречается, в разных комбинациях, в разных словах. Очевидно, что главная тяжесть объяснения фонетической членораздельности в звуковой речи еще впереди.

Выставляю следующую гипотезу, ориентирующуюся не на слово в себе, а на связь слов в потоке звуковой речи.

В обстановке достаточного углубления грамматической членораздельности в звуковом повествовательном потоке создается возможность обозначения явлений сочетанием двух или более слов — возможность, поднимающая речь как средство повествования на громадную высоту. Что же может делаться с сочетаниями двух или более слов, поскольку они обозначают одно явление? Они могут срастаться, становиться одним словом. Это означает чрезвычайно много — это означает появление фонетической членораздельности в звуковой речи. Прежде всего, появляются фонемы-согласные. Если старые слова в отношении согласных были одноэффектны, причем каждому слову был свойствен особый согласный, то новые слова в отношении согласных уже двух- или много-эффектны, причем одни и те же эффекты, в разных комбинациях, повторяются в разных словах. Что касается фонем-гласных, то, пока гласный всегда один и тот же или пока он в своем качестве отражает только воздействие соседних согласных или таких явлений, как ударение, иными словами, пока у гласных еще нет собственных качеств, фонем-гласных нет. Они появляются тогда, когда вариации гласных, отражающие воздействие соседних согласных или таких явлений, как ударение, отрываются от отражения воздействия соседних согласных или таких явлений, как ударение. В процессе звукового изменения слов — в процессе редукции согласных до нуля, их изменений по качеству, перенесений ударения с одного слога на другой, его изменений по качеству — такой отрыв совершенно неизбежен./11//12/

Фонетическая членораздельность в звуковой речи — готова.

Что же можно привести в обоснование сейчас выдвинутой гипотезы?

Обоснование — в тех явлениях, которые живут и до сих пор. Кто изучал речь, тот знаком с явлениями обозначения вещей через сочетания слов, с явлениями слияния слов и т. д., знаком и с явлениями отрыва вариаций гласных от обстановки, создавшей эти вариации.

5.

Думается, что те самые процессы, которые создают фонетическую членораздельность в звуковой речи, могут создавать и первые явления морфологического порядка.

В самом деле. Совершенно не обязательно, чтобы при сращении групп слов, каждое из срастающихся слов полностью порывало со своим старым значением. Если в сращении одной, другой, третьей группы слов участвует одно и то же слово и если притом новые слова, результат сращения одной, другой, третьей группы слов, сохраняют некоторую общность в значении, то тот участок новых слов, который восходит к общему старому слову, выступает как носитель общности в значении, а

остальные участки новых слов — как носители различия в значении. Это уже явление морфологического порядка.

Неудивительно, что речь наиболее отсталых обитателей земного шара наших дней, скажем, австралийцев, прекрасно знакома с явлениями морфологического порядка. Та степень развития звуковой повествовательной деятельности, когда еще невозможны были явления морфологического порядка, ныне уже нигде неизвестна. Как же быть в таком случае с речью китайца, которая с явлениями морфологического порядка совершенно незнакома? Или с речью англичанина, которая с явлениями морфологического порядка знакома в весьма малой мере? Тут надо со всей настойчивостью выдвинуть два указания. Первое: незнакомство или малое знакомство с явлениями морфологического порядка в этих случаях совсем не наследие седой древности, а новоприобретение. Авторитетные знатоки китайского языка утверждают, что в нем есть следы бывшего знакомства с явлениями морфологического порядка. Все мы знаем, что английский язык прошел по пути /12//13/ упрощения морфологии — это засвидетельствовано документально. Второе: незнакомство или малое знакомство с явлениями морфологического порядка в этих случаях представляет собою явление совершенно иной природы, чем незнакомство с явлениями морфологического порядка в звуковой повествовательной деятельности, еще не доросшей до речи. Там — недоразвитость. Здесь, конечно, совсем не недоразвитость. Когда приходят в теснейшее взаимодействие человеческие группы, из которых у одних морфология построена по-одному, а у других — по-другому, то речь их, при известных привходящих обстоятельствах, выравнивается по линии устранения тех явлений морфологического порядка, которые непривычны одним, и тех явлений этого порядка, которые непривычны другим. Это дает упрощение явлений морфологического порядка. Если процессы этого рода повторяются неоднократно или в особенно сложной комбинации, то дело может кончиться и полным исчезновением морфологии. Все мы знаем, что китайская речь — речь величайшей на земном шаре общественности, выросшей на основе теснейшего взаимодействия и последующего слияния бесчисленных более ранних общественностей. Все мы знаем и то, что английская речь — речь тоже немалой общественности, выросшей на основе взаимодействия и последующего слияния тоже немалочисленных более ранних общественностей. Этих указаний, думается, достаточно.

6.

В заключение остановимся на хронологии звуковой речи.

Выше высказана мысль, что повествовательная деятельность человека развилась тогда, когда потребовалось согласование моментов трудового процесса, разделенных значительным промежутком времени

или значительным расстоянием. Дело касается охоты, так как это первый из сложных трудовых процессов, проводившихся в обстановке сложного организованного разделения труда. В древнейшие периоды развития человека, пока господствует до-неандерталец и неандерталец, то есть, кончая периодом сколотых орудий (мустьерской эпохой), охоты в собственном смысле этого слова не существует или, во всяком случае, она еще не развертывается. Подбирание мертвых, больных, раненых животных или ловля /13//14/ животных еще не охота. Неудивительно, что исследование зубов неандертальца показывает употребление им по преимуществу растительной пищи. Иначе обстоит дело позднее, когда появляется человек, близкий к homo sapiens, то есть, в период отжимных орудий, составляющий конец палеолита (в ориньякскую, солютрейскую, мадленскую эпохи). Для этого периода засвидетельствован пышный расцвет охоты. Есть основание относить, если не начало, то важнейшие этапы развития повествовательной деятельности человека, быть может, оформление звуковой речи, именно к этому периоду.

Далее, мы можем принять в расчет, что повествовательная деятельность человека не могла не получить отражения в гравировке, живописи, скульптуре — это тоже в своем роде повествовательная деятельность. Идея изображения на камне и т. п. или в камне и т. п. не могла, конечно, возникнуть отдельно от идеи изображения в жестах и звуках — она возникла вместе с ней или непосредственно за ней. В известной обстановке одно могло дополнять другое. В древнейшие периоды развития человека, кончая периодом сколотых орудий (мустьерской эпохой), мы пока не знаем достоверных памятников гравировки, живописи или скульптуры². Иначе обстоит дело в период отжимных орудий, составляющий конец палеолита (в ориньякскую, солютрейскую, мадленскую эпохи). Для этого периода, особенно для его позднейшего отрезка (для мадленской эпохи), характерен пышный расцвет гравировки, живописи, скульптуры, которые по своей реалистичности и совершенству вызывают справедливое восхищение. К этому нелишне добавить, что для этого же периода характерно появление первых следов одного из явлений, весьма тесно связанных с повествовательной деятельностью, — изобразительной, воспроизводительной пляски, закрепившейся в ритуале: перед нами, с одной стороны, изображения пляшущих людей, полностью или частично переодетых животными, а с другой стороны, отпечатки, на полу пещер, пляшущих пяток (следы пляски, изображающей копытных животных). Опять-таки есть основание относить, если не начало, то важные этапы развития повествовательной деятельности человека, быть может, оформление звуковой речи, именно к этому периоду. /14//15/

---

² Рубцевание и окрашивание тела еще не есть гравировка и живопись.

Давно ли прошел период отжимных орудий? Это не чересчур седая древность. В Европе этот период начался за три–четыре–пять десятков тысяч лет и закончился за полтора–два–два с половиной десятка тысяч лет до наших дней. На таких территориях, как Междуречье или низовья Нила, он протек несколько раньше. Но кое-где он протек и гораздо позже.³

Глава II.

1.

Почему идея объяснения языковых явлений в потоке речи выросла в финноугроведческойⁱ среде, а не в какой-либо иной? Потому, что именно в финноугроведческой среде вполне окреп новый метод полевой языковедческой работы — метод фиксирования живого связного потока речи, противостоящий старому методу коллекционирования отдельных явлений речи.

Метод фиксирования живого связного потока речи был приложен в трех крупных языковедческих экспедициях к финноуграм — в мордовской экспедиции 1927 г., проведенной на средства Академии Наук и Главнауки, в мордовской экспедиции 1928 г., проведенной на средства Главнауки, и в удмуртской экспедиции 1929 г., проведенной на средства удмуртской общественности и Главнауки, и во многочисленных мелких поездках, надлежащим образом инструктированных, в том числе в поездках ЛОИКФУНⁱⁱ. Организация языковедческих экспедиций к финноуграм ныне сосредоточивается в ИЛЯЗВⁱⁱⁱ.

В научных сферах этот метод встретил неровное отношение. Уже сейчас налицо такие признаки неровного отношения к этому методу, как разрыв между нашим финноугорским языкознанием и нашей Академией Наук.

Совершенно иначе оценивают этот метод места. Этот метод оказывается приспособленным к удовлетворению практических языковых надобностей. Он же оказывается приспособленным к воспитанию людей в духе понимания сути языковедческой работы, и неудивительно, что наши финноугроведческие экспедиции, как они ныне ставятся, оказываются выдвигенческими не только по надеждам, но и в результатах (есть случай, когда крестьянин-бедняк, избач глухого мордовского села, стал аспирантом). Насколько нужны /15//16/ местам финноугроведческие экспедиции, как они ныне ставятся, показывает следующее обстоятельство: поток предложений, начавшийся в 1928 г., ныне так усилился, что нет физических сил пойти навстречу каждому предложению (на 1930 г. в ИЛЯЗВ поступило 4 предложения крупных языковедческих экспедиций к финноуграм).

---

³ Вопросы о происхождении языков в наст. статье не касаюсь.

2.

Старый метод коллекционирования отдельных явлений речи и новый метод фиксирования живого связного потока речи могут быть охарактеризованы следующим образом.

Когда исследователь коллекционирует отдельные явления речи, его работа направляется заранее составленной схемой, построенной на его прежнем языковедческом опыте — а прежний его языковедческий опыт это опыт каких угодно языков, кроме данного. Совершенно естественно, что при коллекционировании неизбежны и искажения и неполнота в восприятии языка. Особенно ярко это проявляется тогда, когда в дело изучения языков неиндоевропейских вносится опыт изучения языков индоевропейских — хотя бы исследователи и не были индоевропейцами по родному языку. Это выяснили работы Кабинета финноугорского языкознания ИЛЯЗВ, где в качестве коллективной темы проводилась тема «Характеристика финноугорских языков вне индоевропейстической апперцепции».

Когда же исследователь фиксирует живой связный поток речи, его работа направляется только данной речью. Все явления данной речи в его записях отражаются в одинаковой мере, без того или иного подбора, а следовательно, без искажений и без неполноты. Правда, чтобы был достигнут нужный эффект, нужны записи значительные (мордовские экспедиции 1927 г. и 1928 г. дали по 20.000 строк текстов, не считая перевода, а удмуртская экспедиция 1929 г. — 60.000 строк).

Далее: когда исследователь коллекционирует отдельные явления речи, он, естественно, склоняется к уловлению неких идеально отстоявшихся норм. В результате он совершенно бессилён справиться с жизнью языка, которая дана не только в динамике движения сил в течение тысячелетий, но и в динамике противостояния сил в каждый данный момент, и совершенно не знает идеально отстоявшихся норм. /16//17/

Когда же исследователь фиксирует живой связный поток речи, он совершенно в стороне от всяких идеально отстоявшихся норм. В результате он берет явления так, как они живут.

Бесспорно: редко кто из исследователей, работавших и работающих методом коллекционирования отдельных явлений речи, ограничивались и ограничиваются одними коллекциями — в качестве «иллюстрации» они обычно прилагали и прилагают к своим коллекциям некоторое количество текстов. Бесспорно также: исследователи работающие методом фиксирования живого связного потока речи, не могут ограничиться одними текстами — в качестве «страховки» на случай, если тот или иной технический термин не окажется в тексте, они составляют некоторые коллекции технических терминов. Следовательно, не было и нет чистых представителей одного метода, да и чистых представителей другого метода, а были и есть люди, полагающие в основу один метод, и люди,

полагающие в основу другой метод. Новый метод возник вовсе не в порядке забвения старого метода, а в порядке усиления в работе на основе старого метода начал, составляющих суть нового метода, — усиления, которое в один прекрасный момент оформилось, как изменение лица метода.

Д. Бубрих

ⁱ Слитное написание терминов «финноугроведение», «финноугроведческий» и т. п. — характерная черта орфографии Д. В. Бубриха.

ⁱⁱ Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН) — научное общество, существовавшее с 1925 по 1931 год.

ⁱⁱⁱ Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) — научное учреждение при Ленинградском государственном университете, существовавшее с 1919 по 1930 год.